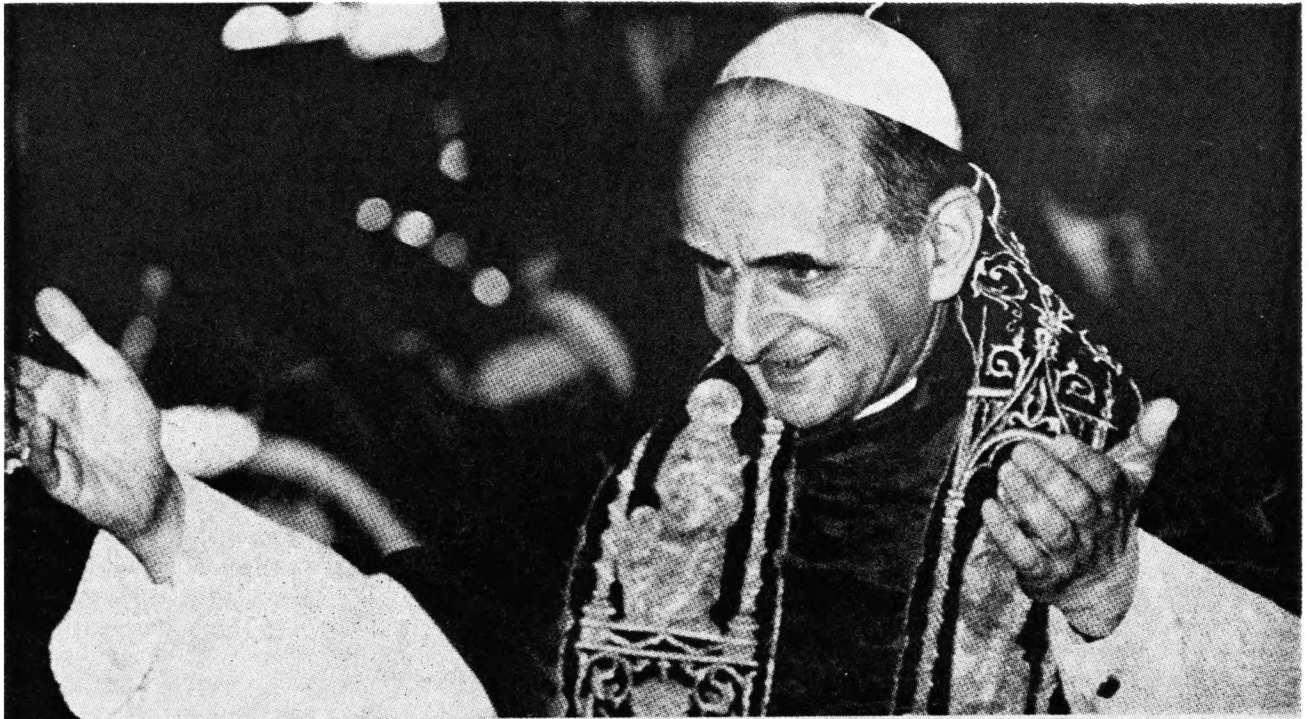

СВОБОДНОЕ СЛОВО

Рим разрушил в 1923-м году православный собор в Варшаве. Коммунисты разрушили в 1931-м году православный собор в Москве. Какая разница между безбожным коммунистом и римским папой. Rome demolished in 1923 the Orthodox cathedral in Warsaw. The communists demolished in 1931 the Orthodox cathedral in Moscow. Where is here a difference between the godless Communist and the Roman pope?

СВОБОДНОЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ

FREE WORD CARPATHO-RUSSIAN MONTHLY

P. O. Box 992. Newark 1. N. J. — U. S. A.

№ 7-8 (67-68)

1964

Год издания Vл-ой

НЕТ НИКАКОЙ ГАРАНТИИ, ЧТО РИМ ПЕРЕСТАНЕТ ПРЕСЛЕДОВАТЬ ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ

Рим преследовал православную Церковь жесточайшим образом в наше время, на наших глазах не только во время войны в Югославии, но и в мирное время, в промежуток между двумя мировыми войнами в Польше и в Чехословакии, в Карпатской Руси. Делал это Рим всеми способами, не брезгая никакими средствами вплоть до разрушения сотен православных храмов и истребления сотен тысяч православных людей в том числе четырех епископов, женщин и детей в Югославии во время последней войны.

Сегодня мы поместили на обложке нашего журнала снимки двух соборов, варшавского и московского. Варшавский был разрушен римокатолическим польским правительством в 1923 году в сговоре с папским нунцием, помощником которого был монсиньор Монтини, теперешний папа Павел VI.

Впоследствии коммунисты разрушили московский собор.

Те и другие делают одно и то же. Разницы между ними как будто нет никакой. Но все же разница есть и при том весьма существенная. Коммунисты поступают согласно своей программе, которую они открыто провозглашают. Они атеисты и совершенно открыто стремятся к искоренению веры в Бога.

Папа же величает себя заместителем Господа Бога на земле, говорит о христианской любви ко всем, в особенности к православным. Теперешний папа, Павел VI, был не только помощником папского нунция в Варшаве в то время когда там был разрушен собор. Он был потом в течении тридцати лет министром иностранных дел при двух папах, Пие XI-м и Пие XII-м, во время которых происходило жесточайшее преследование православных в Польше, закрытие и разрушение сотен православных храмов, а затем истребление православных сербов в созданной Гитлером „Независимой Державе Хорватской“. Будучи папским министром иностранных дел Монтини, теперешний папа, был конечно в курсе всего что делали там его под-

чиненные, нунции и епископы. Но он никогда не предпринял ничего для того, чтобы прекратить гонения.

А теперь он не перестает говорить о „возлюбленных православных братьях“, которые еще совсем недавно считались схизматиками, еретиками и неверующими (infideles). Его словам нельзя верить.

Русские люди, вашими пожертвованиями в ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

вы можете нам вести борьбу за душу народа. Ее калечат и приносят народу бесчисленные бедствия коммунизм и католичество. Наша цель: восстановить православное и народное мировоззрение, ибо в нем залог победы над темными силами коммунизма и католицизма.

УЧЕБНИКИ

ДЛЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ И ОРГАНИЗАЦИЙ.

Вахтеров В. — Русский букварь. С 266 рис. Новая орфография	0.50
Родное слово. 1-я книга для чтения. С 164 рис. В переплете	1.10
Родное слова. 2-я книга для чтения. С 152 рис. В переплете	1.35
Родное слово. 3-я книга для чтения. С 63 рис. В переплете	1.75
К. А. Иванов. (Директор Петроградской 12-й гимназии). История древнего мира. С рисунками и хронологической таблицей по истории Греции и Рима 265 стр. В переплете	1.50
Часослов учебный на церковно-славянском языке. В переплете	1.65
Маруся. Сборник мало-русс. песен с добав- лением 48 русских. 220 стр.	1.00
В переплете	1.50

Обращайтесь по адресу:

Michael Novash,

P. O. Box 44. Jackson, New Jersey.

РУССКАЯ ВЕРА В КАРПАТАХ

Липецкий женский монастырь

Был 1936 год. Желая провести и в этом году свой летний месячный отпуск среди природы и среди сельского люду Карпатской Руси, я избрал хустский округ, где, как я знал, в монастырях и скитах спасают свои души ушедшие от мира крестьяне и крестьянки нескольких окрестных селений.

Пройдя по живописной долине реки Река и минуя село Липша, я увидел на горе налево монастырский храм и другие постройки. Мимо монастырской водяной мельницы, по торной дороге, поднялся на горку к самому монастырю и сразу же попал к матушке игуменье Параскеве. Она стала мне рассказывать, как сподобил Господь создать этот монастырь.

Ровным голосом, с доброй улыбкой, матушка игуменья начала рассказ со своего детства, когда она была Юлиной, воспринявшей от своего отца, от его брата и других односельчан села Изы горячую любовь к святому Православию и стойкость в исповедании „старой веры“ в то страшное время, когда венгерские власти в угоду Риму преследовали эту веру за то, что она не была римокатолической, а православной и русской.

Население восточной части Карпатской Руси никогда не принимало унии, которую с половины 17-го столетия ему насильственно навязывали габсбургские власти. Оно оставалось сознательно православным. Но венгерское правительство его официально считало униатским и, начиная с конца 18-го столетия, все приходские священники были „греко-католики“, то есть униаты, хотя бы для виду.

Народ терпел и молчал помня ужасающие гонения, которым подвергались его предки борющиеся против Рима. Но в начале этого столетия „взбунтовалось“ всё население Изы, большого села расположенного недалеко от впадения реки „Река“ в Тису. Новый униатский священник попробовал ввести в богослужение римские новшества и между прочим переделать молитву „Верую“ на латинский лад. Услышав слова „иже от Отца и Сына исходящего“, буквально весь народ немедленно вышел из церкви и больше туда никто не входил. В село были присланы жандармы, которые приказали всем жителям села регулярно являться в церковь во все воскресения и праздники. У каждого изянина должна была быть во всякое время в кармане книжечка с удостоверением священника о том, что он был в церкви в

последнее воскресение. Крестьян, оказавшихся на улице или работавших в поле без такого удостоверения, жандармы нещадно избивали и калечили, не исключая ни женщин, ни малолетних девиц.

Но народ не унывал и не падал духом. Во всей Изе не нашлось ни одного изменника, хотя в изском приходе было 2500 душ. За изянами последовали жители соседних сёл, которые открыто отреклись от Рима, и от униатских священников не смотря на все гонения. Движение было настолько сильным и восторженным, что многие крестьяне и крестьянки, пренебрегая опасностью, стали собираться в какой либо дом для молитвы по старым церковным книгам, и стремиться вообще уйти из мира в монашество, чтобы посвятить всю свою жизнь Богу. В то время, как местная русская интеллигенция под давлением мадьяризаторской политики венгерского правительства всё больше и больше поддавалась мадьяризации, простой народ всё с большей силой отстаивал свою Русскую Веру. Начались жестокие гонения, напоминавшие времена гонений на христиан в Римской Империи, но они ещё больше разжигали упорство русских крестьян и укрепляли их стремление пострадать за свою веру и народность.

Матушка вспоминает тех, кто начали свое исповедничество в Изе. Это были: Василий Кемень (впоследствии архимандрит Амфилохий), Василий Вакаров (впоследствии архимандрит Матфей), Георгий Плистка (впоследствии иеромонах), Михаил Мачка и другие. Они первые ушли тайно в Россию, и, получив там сан священства, вернулись на родину. Отец и дядя матушки игуменьи (братья Прокоп) были среди первых борцов за православие в Изе, но они не добивались принять сан и остались крестьянствовать; они оба очень много потерпели за Православие. С той же доброй улыбкой, как в начале рассказа, матушка поведала мне о тех мучениях, которые перенесли за Христа её родные, другие односельчане и она сама. В числе десяти сельских девушек, в возрасте от 16 до 18 лет, она участвовала в решении и исполнении намерения устроить православный женский монастырь. Для этой цели они начали строить дом сами. Каждый день они работали на этой постройке и каждую ночь приходили жандармы и разрушали. И, всё таки, достроили! Жандармы заперли дом и унесли ключ. Для молитв девушки стали со-

бираться у одного крестьянина. В униатскую церковь не хотел идти никто. Иногда жандармы насильно загоняли туда народ, жестоко избивая его палками.

Группа монашествующих девушек продолжала собираться для молитвы, читали переписанные ими самими православные акафисты и другие священные книги, по ним пели и читали, стараясь придерживаться устава. Ночи они проводили вместе, отдавая значительную часть времени на переписку священных книг.

Тут матушка игуменья показала мне сборник акафистов и песнопений, переписанных тогда. Я увидел четко написанную от руки славянскими буквами книжку, сохранившуюся до этого времени. Одну девушку, по очереди, они выставляли снаружи сторожить, чтобы жандарм не застиг их „на месте преступления“ за перепиской.

Этим тайным монастырем руководила тогда самая младшая из девушек, Юлина, Юлиана Прокоп, ставшая впоследствии матерью Параскевой, игуменьей монастыря.

Средства к жизни монашествующие девушки добывали себе тем, что ходили, как и многие другие крестьяне Карпатской Руси, из своих гор на мадыарскую равнину к мадыарам на полевые работы и оттуда они приносили домой заработанное зерно, которое мололи или обменивали на другие продукты. Кроме того девушки плели корзины и продавали их евреям, скупщикам фруктов. Иногда девушки ездили помолиться Богу в православные храмы в Мишковец или Будапешт. Продадут корзины и на эти деньги едут.

Матушка игуменья вспоминает, как она в первый раз везла своих девушек в Будапешт, в церковь. Приехали, идут с вокзала по городу и ищут, а спросить боятся. Ходили так до вечера и, не найдя церкви, решили переночевать где придется и остановили выбор на группе деревьев. Утром, к своей огромной радости увидели, что они находятся под стенами православного храма. До слез были рады. Дождались богослужения, отстояли литургию и поехали домой.

12 декабря 1912 года жандармы застигли так монашествующих девушек „на месте преступления“: помолясь Богу, девушки улеглись спать все вместе. При них нашлись и богослужебные книги. Жандармы выгнали девушек не одетыми на мороз, в одних сорочках и босиком. Гоняли их сначала по улице, всячески издеваясь над ними, а потом загнали в реку, которая вследствие быстроты течения не замерзала. В воде продержали страдалец около часу. Потом погнали их в жандармские казармы, там переписали и отпустили по домам.

Кроме Юлианы Прокоп там были: Пелагея Хвост (впоследствии мать Прескина, оставшаяся в монастыре и к моменту этого повествования), Пелагея Довганич и Пелагея Симулик (не поступившие в монастырь, но жившие в Изе, не выходя замуж и ведя строгий образ жизни), Мария Мадьяр (умершая девицей от жандармских побоев весной 1913 года), Пелагея Щербан I-ая и Пелагея Щербан 1-ая, Анна Вакарова и Юлиана Изай, все четверо последние вышедшие впоследствии замуж по настоянию родителей.

Обнаружив тайный православный монастырь, жандармы начали следить за всеми записанными у них, производили в их домах обыски и обязывали периодически являться в жандармские казармы для регистрации.

„Девушки ничего не боялись“, — говорит матушка. Они хотели пострадать за веру и с радостью принимали все побои и мучения. Как ни били жандармы Юлиану Прокоп, не могли добиться от неё ни стоана, ни мольбы о пощаде. Не её лице видели только вдохновение и радость, что жандармов несказанно злило. Били её по лицу, по рукам и животу, бросали на землю и били ногами, но и так не могли вырвать ни одного стоана.

Православное движение захватило всех в селе, никто не остался даже и по имени униатом. Для общей молитвы люди уходили в лесные дебри. В помощь жандармам был прислан отряд солдат. Однажды солдаты оцепили молившихся близ берега р. Реки и старались захватить богослужебные книги. Желая их спасти, один старик завернул книги в свою гуню¹ и с этой ношей бросился вброд через реку. По нем солдаты начали стрелять и требовали чтобы вернулся, но он только кричал стоявшим на берегу односельчанам: „Ану, попозерайте, ци не замочилася гуня“. И ушёл благополучно, сохранив драгоценные книги. Тогда схватили его зятя, привязали вожжами к лошади, которую погнали. Тело молодого крестьянина было всё избито о камни и корни, ободрано и окровавлено. Однако, Господь его сохранил и он был жив и в момент этого повествования.

Весной 1913 г. из России вернулся посвященный в иеромонахи Михаил Мачка; его схватили и посадили в тюрьму, избив при этом. Через год в 1914 году из России вернулись иеромонахи Амфилохий и Матвей и их точно так же схватили, избили и посадили в кошицкую тюрьму.

С объявлением войны, в августе 1914 года, в Изе арестовали 80 человек крестьян и погна-

¹ Гуня — верхняя одежда из овечьей шерсти на подобие кавказской бурки, но с рукавами.

ли в Мишковец, в тюрьму, а на доске, которую несли впереди, было написано „Запродавцы державы”. Тогда же арестовали и матушку игуменью (Юлиану Прокоп). Её избили, изуровали в ключез её платье и повели. Она взяла с собой образок Спасителя, чтобы перед ним помолиться перед смертью. Пронесла его, хотя и трудно было прятать в висевших на ней лохмотьях. Её продержали под арестом не долго и отпустили, обязав никуда из села не уходить и являться в жандармские казармы для регистрации.

„Настало тогда тяжёлое время, — говорит матушка, — народ измалодушествовался, потерял веру в Бога и стал дурно жить; нужно было спасать людей”. Юлиана Прокоп подговорила двух крестьян — Дмитрия Сабова и Михаила Сомоша — чтобы они помогли и они согласились. Приняли на себя подвиг юродства и стали у жандармов вне подозрений, так как вели себя как умалишённые. Они оба стали служить православным для связи и сообщать о передвижении отрядов и об обысках, производимых на селе. Народу они говорили: „Покайтесь, молитесь! Прийде Христос судити живых и мёртвых”. Народ опаматовался и начал приходить в дом Юлианы Прокоп, от которой получал наставления — что нужно делать. Особенно деятельно помогал Юлиане Михаил Сомош, который впоследствии стал иеросхимонахом Митрофаном. Он же нашёл и привел к Юлиане Марию Рацюк, ставшую впоследствии матерью Февронией, главной помощницей матушки игуменьи, благочинной монастыря и ведшей всё его хозяйство. Мария Рацюк тоже претерпела тяжкие мучения за веру: ей жандарм разрубил руку до кости.

У Юлианы Прокоп собралось тогда около ста девушек, которые хотели вступить в монашество. Из них впоследствии отобрались сорок девушек, которые не вышли замуж и стали монашками.

Отец Амфилохий продолжал оставаться в тюрьме, в Кошицах. К нему отовсюду приходили православные и получали указания: как нужно совершать молебны, акафисты или заупокойные каноны (вместо парастаса, который без священника совершать нельзя). Не желая идти к униатскому духовенству, крестьяне детей сами крестили, молодожёны жили без церковного брака. Сестра матушки игуменьи, впоследствии монахиня Валентина, регентша монастырского хора, была крещена только четырёх лет от роду. Она ходила сама вокруг купели и пела „Елицы во Христа хрестистеся, во Христа облекостеся...”

Во время первой мировой войны, в 1916 году, преследования православных усилились

чрезвычайно. Взятых под надзор, как Юлиану Прокоп и других девушек, заставляли по три раза в день являться в жандармские казармы.

На Крещение 1918 года, рассказывала матушка игуменья, возвращаясь из казарм, увидела я Михаила Сомоша, который стоял около своего дома и спросила его, не вернулся ли уже из тюрьмы Димитрий Кемень, которого дом был рядом с ним. Он мне ответил: ещё нет. Вдруг слышу, хворост у плота трещит и на раз к нам выскочили два жандармы, которые сховались под плотом (забором) у Кеменя. Взяли нас с Михайлом и повели в казармы. Привели туда же и Михаила Симулика, у которого в то время был молитвенный дом. Тых двух побили и послали в сумасшедший дом, а меня зачали бить воловьей жилой с оловом на конце. Били по лицу и разбили в носу все косточки, а я всё стою и молчу. Один жандарм говорит: „Молчишь, подожди, змея, будешь ты у меня плакать!”... Повалил меня на пол. Я упала на бок. Он вскочил на меня обоими ногами и я почувствовала, что в боку у меня что-то хряснуло и я застонала. „Ага, застонала”. Я опять молчу. Жандарм мне кричит: „Встань!” Я встала и молчу. Он выдернул саблю и ударил меня по голове. Рассек мне голову и из раны полилась кровь. Всё как бы закачалось вокруг меня, но я ещё стою. Повели меня к студне (к колодцу) и зачали лить на голову воду. Тут я перестала видеть и чувствовать и упала. Отнесли меня в пивницу (погреб) и зарыли в песок, только голову оставили наверху. На три дня приставили ко мне сокачку (кухарку), чтобы она следила по зеркалу, если ли на нём отдыхания роса. На третий день хотели меня бросить в воду; вытягли из пивницы и стали смотреть — жива ли я ещё. Каким то железом стали открывать мне рот и сломали зуб. Вот этот, — показала мне матушка, — ещё и корень остался. От боли я как бы немного опаматовалась и, не глядя, ударила на отмашь рукой. Попала прямо в лицо тому жандарму, который мне сломал зуб. Так сильно тогда упала моя рука на него, что он потом целый месяц в больнице был. Тут из головы у меня снова полила кровь и залепила мне очи: я перестала видеть и чувствовать. Отнесли меня, но теперь уж не до пивницы, а оставили на кухне. Начали делать искусственное дыхание, давали чай с ромом, очи мои промыли: на утро я уж стала видеть. Водили меня по кухне — учили ходить, поддерживая под руки. На пятый день положили меня на носилки и отнесли к нам во двор. Был вечер, темно, зима лютая. Положили меня во дворе около хаты и ушли. Никто не видел как меня принесли. Отец мой был тогда под оборогом, где

молился. Там мы сделали такое тайное место, где всегда молились. Отец меня очень любил и всё время молился о моём спасении. Обещал, что если я буду жива, он меня Богу отдаст. Кончил отец молиться и пошёл до хаты. Когда увидел меня, подошёл и спрашивает: „Ты, дочь?“ Понес он меня до хаты. А у нас там собрались тогда малые девчата 4-6 лет. Может быть 10 их было. Они все тоже молились за меня, чтобы Бог открыл, где я. Отец не хотел им меня показывать, потому что у меня всё лицо было в крови и они бы испугались. Он им сказал только: „Нашлась, слава Богу, Юлиана. Она есть хвора. Теперь идите спать и молитесь, чтобы Бог её исцелил“. Кровь из головы у меня всё не унималась. Отец побежал к военному доктору и привел его. Доктор посмотрел и сказал, что буду жить только три часа, потому что кость на голове разрублена и повреждена мозговая оболочка. Отец и все наши начали со слезами молиться. Я тоже молилась. Три часа прошли, а я всё живу и как бы лучше мне стало. Тогда тот доктор начал меня лечить. В носу все косточки разобрал и сложил все снова, как нужно. Стала я выздоравливать, начала ходить. Через три недели иду по улице и встречаю жандармов. Один из них, тот самый, что мне саблей голову разрубил, спрашивает меня: „Это ты, Юлина?“ Отвечаю — я. Что вам нужно? Он побежал к нам до хаты и удостоверился, что то действительно я. Жандармы думали, что я давно уже умерла. В хате у нас этот жандарм бросил на землю своё ружьё и сказал: „Уже николи никого не буду бити. Вижу, что милость Вождя с вами!“

И больше, правда, не били. Люди наши с того времени перестали их бояться. Если жандармы кого поймают и поведут на жандармскую станцию, мы все идём туда и говорим: „Мы все такие, возьмите и нас“. Иичего не делали ни нам, ни тем, кого арестовали.

Отца Амфилохия в то время выпустили из тюрьмы и он пришёл до Изы. Как раз тогда умерла моя мачиха и он служил при её похоронах. Не тронули. Это было в первый раз, что вольно было служить православную службу. А с той поры стали у нас и все службы отправляться по уставу. В декабре 1918 года, на Рождество, отца Амфилохия впустили в церковь. Начали у нас собирать пожертвования на Свято-Николаевский мужской монастырь. Все поотдавали всё, что могли. Скоро монастырь был готов. Отец Амфилохий стал там первым настоятелем. Хотелось и нам иметь для женского монастыря хотя бы одну отдельную комнату. Девушки стали собираться в нашей хате. В 1920 году пришла новая власть. Отец Амфилохий пошли тогда в Россию и нашли там

отца Матвея и отца Алексея и все трое вернулись в Изу.

Православным владыкой к нам на Карпатскую Русь был назначен тогда епископ Досифей. Поехали мы к нему и стали просить его разрешения устроить женский монастырь.

— Идите в Сербию, — говорит владыка. — Пишите пасы (паспорта).

Пасы было трудно получить и дорого. Начали хлопотать. Монашествующие девушки просили их постричь, некоторые уже умерли, а каждой хотелось умереть в монашестве. Я была больна и владыка постриг меня в постели. Это было в 1922 году. Сорок других девушек владыка тоже постриг на Карпатской Руси в 1923 и 1924 годах.

К тому времени шесть нас собралось ехать в Сербию, пасы нам были готовы. Пришли мы к владыке, а он и говорит:

— Я раздумал, лучше здесь устроим женский монастырь.

— Нет средств, владыка, — отвечаю я.

— Средства у Бога.

— Простите, — говорю, — владыко святыи, мы не учёны.

— Дело, — говорит владыка, — научит вас.

— Слушаю, — говорю, — владыко, по вашему архипастырскому благословию будем стараться.

Потом матушка игуменья рассказывала мне, как чудесно удалось собрать средства и начать монастырскую жизнь.

Бывший крестьянин села Изы, Георгий Кундря, ставший иеромонахом Пантелеймоном, получил приход в селе Липша, которое имеет много выселков. Однажды, отправляя требы в одном из этих приселков, шёл он со своим церковником по лесной тропе и присел около родничка, чтобы воды напиться и отдохнуть. Место очень полюбилось отцу Пантелеймону и он спросил церковника, чье оно. Оказалось, что оно вдовы Стефана Вакарова, который много пострадал за православную веру, сидел в тюрьме и там умер от побоев. Отец Пантелеймон подумал, что для женского монастыря это место было бы очень подходящим и что от вдовы Вакарова будет не трудно получить эту землю. Однажды он собрал к себе в гости мать Параскеву и некоторых других монахинь, молившихся с нею и вместе и мечтавших о создании своего монастыря, вдову Вакарову и старосту села Липша. Завели разговор о монастыре, а вдова Вакарова и говорит:

— Маю шить голдов² лесной хемли. Не знаю, ци вам добра была бы. Дала бы вам ю.

² „голд“ равняется 2/3 гектара.

Отец Пантелеймон радостно засмеялся и говорит:

— Ничего, бабка, добра буде. Завтра идеме подписывати.

А потом отец Пантелеймон обратился к другим:

— Я знаю тоту землю — добра буде. Так, теперь даме вси, кто што може. Вы корову дайте, — обратился он к одной женщине. Та согласилась.

— Добре, — сказала она, — я дам корову. Най даст Бог, чтобы был монастырь.

Сельский староста сказал:

— Я маю лес, так дам дерева.

Кто-то сказал, что купит для монастыря церковные книги. Так и насбиралось имущество, нужное для начала.

Матушка Параскева на другой день пошла к Владыке и рассказала ему об этом. Владыка очень обрадовался и сказал, что нужно начинать. В качестве руководителей монастыря назначил архимандритов Амфилохия и Алексея, а игуменей монастыря назначил мать Параскеву. На другой день собрались на месте, подаренном вдовой Стефана Вакарова. Иеромонах Арсений, из крестьян села Липши, бывший здесь же, сказал, что он жертвует монастырю свой лесной участок, который лежит поблизости от избранного для постройки участка.

На следующий день сделали на эти два участка контракты. В течение нескольких ближайших дней было пожертвовано монастырю ещё несколько земельных участков.

Нужно было переселяться на новое место и начинать постройку, но здесь, неожиданно, возникло крупное препятствие, которое пришло со стороны родителей монашек: родители не хотели их отпускать. Начали требовать, чтобы они отказались от монашества и выходили замуж. Одна из монахинь, жившая в монастыре во время моего посещения, мать Александра, рассказала мне, что, бывало, как только она придет домой из церкви, отец начинает её таскать за косы и бить.

Некоторые монахини также говорили мне, что им пришлось в то время перенести от родителей такие же мучения. Иные монашки не устояли и ушли в мир, но таких было немного. Видя такое упорное сопротивление родителей, отец Амфилохий советовал матери игуменье начинать дела, но отец Пантелеймон горячо советовал начинать. Очень ободрило в то время всех пожертвование одной женщиной 5.000 корон.

В июне 1925года матушка Параскева собрала всех стойко державшихся монашек и всех доброжелателей монастыря на место, пожертвованное вдовой Вакаровой, назначив освящение

закладки будущего храма. Освятили закладку и это придало всем монашкам и доброжелателям необходимого мужества.

Сразу же остались на жительство на месте будущего монастыря монахини: Параскева, Феврония, Евдокия, Александра, Любовь, Доминика, Зиновия, Софрония, Людмила, Макрина, Варвара, Евдокия, Матрона, Епистимия, Феоктиста, Дорофея, Харитина, Неонила, Соломония и одиннадцатилетняя сестра матери Параскевы, ставшая впоследствии монахиней Валентиной, проявившей талант в управлении монастырским хором. Эти 20 девушек немедленно же принялись строить деревянный храм, таская на своих хрупких плечах в гору бревна, привезённые старостой к мосту, который отстоял почти на километр от места постройки. Тогда монастырь был отрезан от шоссеиной дороги быстрым и глубоким потоком и болотистой долиной, по которой поток протекал. В то же время монашки принялись месить босыми ногами глину с примесью соломы и делать вальки (сырые кирпичи) для будущего общежития монашек. В глине было много мелких камней и ноги месивших скоро оказались в кровотокащих ссадинах. Однако, терпя боль, монашки продолжали месить и пели при этом: „Кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог, творяй чудеса”. И Господь проявил к монашкам Свою милость. За неделю были изготовлены 15,000 вальков и разложены на приторке для сушки. Церковь в то же время была быстро достроена и покрыта крышей. Под крышей, на церковном чердаке, монашки устроились на ночлег. Ночью разразилась сильная буря с ливнем. Все здание храма сотрясалося от страшных ударов грома и сильнейших порывов ветра. Сбившись в кучу, со слезами и молитвами, монашки просили Господа, чтобы сохранил их и их работу. Дождавшись рассвета, монашки побежали смотреть что случилось с их сырыми вальками и увидели, что они все целы. Между тем буря в эту ночь была так сильна, что во многих окрестных селениях были разметаны хаты и несколько человек было убито и ранено. В селе Липша буря сорвала с церкви крепкую железную крышу и причинила много бедствий. А монашки, под только что сколоченной крышей оказались все невредимы и монастырю буря не причинила никаких убытков. Проявленная таким образом милость Божия придала монашкам новой бодрости и радостная работа возобновилась.

Однако сильно чувствовался недостаток денежных средств. Необходимость купить строительные материалы принудила продать корову. Быстро израсходовались все деньги и не на что стало покупать даже пропитание. Некоторо-

рые родители не хотели оказывать поддержку своим дочерям-монашкам.

Из вальков начали было постройку двух корпусов общежития, но, по недостатку средств, пришлось постройку прекратить и остаться на зиму на церковном чердаке. В церкви самой сделали трапезную, а в пономарке — кухню. Было и холодно и голодно.

Трудно было переносить голод, но ещё труднее насмешки односельчан и тех, кто не желал успеха делу. Некоторые монахини не выдержали и покинули монастырь — таковых было десять. Однако, на их место сейчас же пришло тридцать новых и святое дело не умерло. Из числа ушедших потом 6 монашек вернулись обратно.

— В то трудное время, — говорит матушка игуменя, — сильно поддерживал монастырь отец Пантелеймон, который в качестве приходского священника в Липше получал приличный доход. Он сам ходил в рваной ряске и почти весь свой доход отдавал монастырю. Он же совершал и все богослужения в монастырском храме. Вдруг отец Пантелеймон сильно заболел. Оказался у него очень сильный туберкулёзный процесс и, притом, какое-то желудочное заболевание. Из села монахини взяли его в монастырь и давали ему хороший уход. Состояние его было очень тяжёлое. Он исхудал и ослаб совершенно. Был уже почти совсем без сознания. Принялись за его лечение и начали с молитвы: отец Амфилохий отслужил молебен с елеосвящением. В это время в монастырь приехал русский доктор, имени которого матушка Параскева не запомнила. Этот доктор посмотрел больного и посоветовал для него диетический режим. Больной с той поры стал поправляться. Выздоровев совершенно, отец Пантелеймон остался жить при монастыре, отправляя богослужения и требы.

До времени моего посещения прошло 10 лет монастырской жизни. За это время монастырь крепко стал на ноги, как в области духовной, так и хозяйственной. Число монахинь, вместе с послушницами, уже превышало девяносто. Со всех концов света русские женщины стремились туда, в стены этой широко прославившейся тихой обители. Большинству приходилось отказывать по недостатку мест и денежных средств. Среди насельниц монастыря преобладали молодые крестьянские девушки из окрестных селений, проникнутые глубокой идеей служения Богу и любящие свою обитель, настоятельницу и своих сестер истинно-христианской любовью. Эта любовь и ясность духа видны были во всём и, прежде всего, в их взаимных отношениях. Сколько бы ни наблюдать их жизнь, невозможно было услышать

и намек на раздражение или недовольство распоряжениями. Поражаясь этим, столь невероятным в наш нервный век явлением, посетитель спрашивал: „Неужели монахини никогда не ссорятся между собою?“ и получал всегда спокойный и уверенный ответ: „Не для того мы сюда собрались, чтобы ссориться“. Пожив там, каждый начинал чувствовать, что у него самого разглаживаются складки не только на лице, но и в душе. Начинал так же ласково, без раздражения отзываться на все явления в своей жизни и убеждаться, что это и возможно и очень приятно. Короткое пребывание в монастыре освежило душу и давало ей хороший заряд доброты и добродушия. Прикасавшиеся к творимому здесь чуду, ясно ощущали присутствие во всем Божией благодати и у них появлялось благоговейное преклонение перед этим святым уголком Карпатской Руси и перед теми лицами, которые его создали и им руководили.

В 1935 году в монастырь прибыл в качестве настоятеля храма и духовника отец иеросхимонах Касьян, проживший перед тем на Афоне 32 года. Матушка игуменя нашла в нем твердую опору своим давнешним стремлениям. Оказалось, что их пути — его из Уфимской губернии на Афон и с Афона на Карпатскую Русь для укрепления народа в вере и в монашеском подвиге и её — через невероятные мучения за открытое исповедание Православной веры и за желание поддерживать более слабых духом своих сестер во Христе — чудесным образом сошлись для того, чтобы поддерживать в русском народе в Карпатах его исконную Русскую Веру, Святое Православие. Обитель во имя Рождества Пресвятой Богородицы была в тридцатые годы самой яркой лампадой, зажжённой в Карпатах во Славу Божию.

Дело монастыря ко времени моего посещения разрослось чрезвычайно. У матушки Параскевы была ценная помощница — мать Феврония. Они две составляли одно. Им непрерывно оказывал свою помощь отец Пантелеймон, продолжавший жить при монастыре.

Русские эмигранты, приезжавшие в монастырь, находили в нем материнскую или сестринскую ласку и, главное, возрождались там душой, видя во всем укладе монастырской жизни преданность святому Православию и любовь к русскому народу, т. е. те начала, на каких они были воспитаны у себя дома и во имя чего они бились против безбожной власти, захватившей Россию.

Некоторые из русских эмигрантов, инвалиды, нашли в монастыре приют, лечение и легкую смерть, кому судил её Господь. Нашли там приют и безработные русские эмигранты.

Они усиленно старались отплатить за добро, оказанное им, своими знаниями и трудом. Так один инженер-инвалид спроектировал и построил при помощи монастырских сил, — и сам всё время работая киркой или лопатой, — шоссе, сённые дороги и два пруда. Другой инженер, состоявший на государственной службе, разработал проект монастырской водяной мельницы и помог её построить. Два инженера-агронома организовали для монахинь курсы по садоводству и по другим видам сельского хозяйства, создали плодовый питомник и вообще оказывали монастырю всяческое содействие по своей специальности. Русский эмигрант, врач, провел с 30 монахинями курсы по уходу за ранеными и больными. Он же вел в монастыре амбулаторское лечение больных. Русский эмигрант, священник, живший в весьма отдалённом селе, регулярно приезжал в монастырь для занятий по пению. Он сам обучался в Московской консерватории и был прекрасным знатоком хорового пения. Благодаря ему монастырский хор разучил множество красивых песнопений, созданных русскими духовными композиторами, и я убедился как стройно, красиво и благоговейно поёт хор под управлением матери Валентины, совершенно не пользовавшейся камертоном, имевшей абсолютный слух и прекрасную музыкальную память, вкус и благоговейность к своему делу. Разные русские юристы и экономисты, русские писатели и лица других специальностей, дорожа этим святым уголком, где теплилась Русская Вера, старались во всём оказывать монастырю посильную помощь.

Благодать Божия видна была всюду, включая и хозяйственные предприятия обители. Когда-то монахини питались буковыми листьями с крапивой, а в 1937 году, когда я посетил монастырь в последний раз, я видел его прекрасно разработанные поля, огороды, пасеку, рыбные пруды, мельницу на полном ходу, лошадей, коров, образцовое куроводство, многочисленную водяную птицу и прекрасно поставленную ткацкую мастерскую.

Монахини и послушницы монастыря непрерывно несли очень большой труд по своим различным „послушаниям“. После утреннего звонка (в три часа) все насельницы монастыря стремились в храм. Оставаясь в постели, я слышал издали акафист Божией Матери с трогательным припевом: „Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Своим омофором!“ Из храма они, как муравьи, разбегались по своим работам, а вечером, уже в темноте, я наблюдал тех же монашек, собравшихся для молитвы и видел, что, несмотря на усталость, молитва была им не в тягость, а в радость.

Такова была сила Русской Веры в этих девушках, добровольно уходивших от мира с его соблазнами и от той „культуры“, которую старались внедрить в русскую среду чехи, в большинстве своем безбожники, видевшие в христианской вере „некультурность“, а в Русской Вере — препятствие к скорой чехизации русского народа Карпат. В день моего последнего отъезда из монастыря я стоял в храме раннюю обедню. По монастырскому обычаю, матушка игуменья во время запричастного читала вслух поучение из книги Пролог. Из поучения на этот день, на 8-е мая по старому стилю, мне запомнились слова: „И глагола старец: виждь великие отцы, како безкнижни суще, и не ведуще что, точию малы псалмы, и ни гласа, ниже тропарей ведяху, яко светила в мире просияша“. Таким же светилом для всего православного русского люда и не только для Карпатской Руси, был этот святой Липецкий монастырь, его игуменья Параскева и все смиренные подвижницы-сёстры, повторившие в наш окаянный век то, что послужило 18-19 веков тому назад к развитию и укреплению Христианства — стояние за Веру, несмотря на мучения и смерть.

До меня доходили сведения, что после чехов монастырь был под властью „украинцев“, вымещавших на насельниках монастыря свою злобу за их твёрдое стояние за Русскую Веру; потом венгры, которые истязали, как я слышал, монашек непосильными работами и „налогами“ (то есть, поборами); наконец пришли коммунисты. Неожиданно, со стороны Сталина к православным Карпатской Руси была проявлена „милость“, что было ничем иным как почтой политикой для постепенного отнятия и веры и народности. Липецкому монастырю передали в управление большой и богатый когда-то монастырь на Чернечей Горе, возле Мукачева. Потом начались притеснения на экономической почве и затем — на духовной. Я слышал, что мать Феврония умерла и что некоторые монашки ушли в мир. За мать игуменью, пока она жива, я не беспокоюсь: она и сама устоит и других поддержит, а их всех поддержит Господь Бог, в Которого они так просто, по-детски, верили, на Которого всегда надеялись и будут надеяться до последнего издыхания и к Которому с пламенной любовью своих чистых сердец они уже давно, ещё с юных лет, стремились. Их вера сильнее смерти и такой то, именно, подвиг теперь больше всего нужен на нашей Родине.

Заказывайте брошюру — Штрессмайер „О наместничестве и непогрешимости пап“.

Цена (с пересылкою) 30 ц.

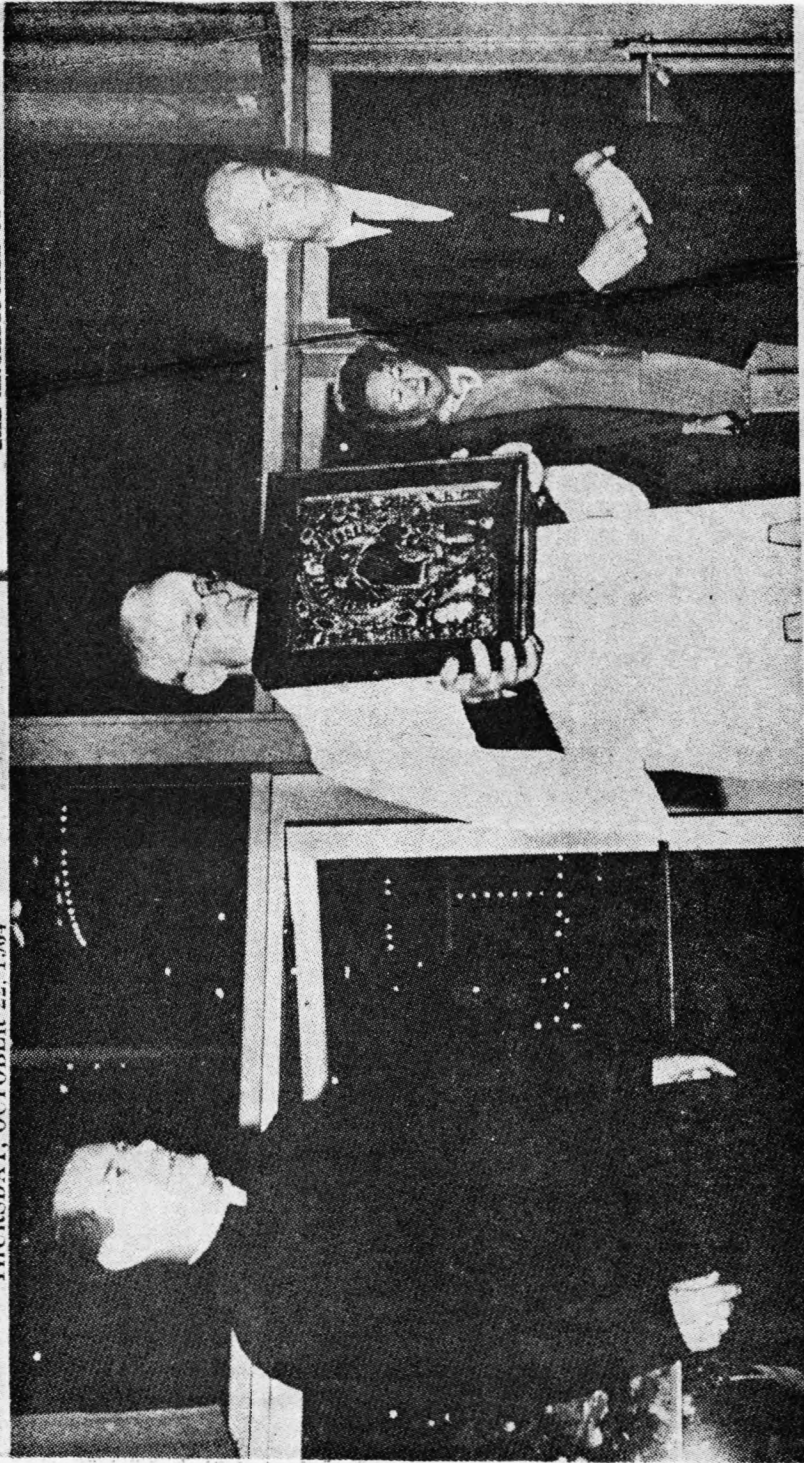
The Catholic News

The Catholic News

ESTABLISHED 1886

PUBLISHED IN THE INTEREST OF
THE ARCHDIOCESE OF NEW YORK

THURSDAY, OCTOBER 22, 1964

AN ECUMENICAL VIGIL—The Holy Icon of Our Lady of Kazan, regularly displayed in the Fort Ross Chapel of the Russian Orthodox Pavilion at the New York World's Fair, was enshrined in the Vatican Pavilion's Chapel of the Good Shepherd for an all-night vigil held by

the Reparation Society of the Immaculate Heart of Mary last Friday. The all-night vigil was offered for Vatican Council II, for the Church of Silence, for the conversion of Russia and world peace, and for the preservation of our own country from communism. Photo shows

the Rev. John Ryan, S.J., of Baltimore, director of the Reparation Society carrying the Icon into the Vatican Pavilion. On right is John Hennessy, director of the Russian Orthodox Pavilion. On the left is the Rev. Joseph Lahey, associate director of Vatican Pavilion.

ПОЗОРНАЯ КОМЕДИЯ, ЗАТЕЯННАЯ АРХИЕПИСКОПОМ ШАХОВСКИМ, ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Вот русский перевод текста под фотографией, взятой нами из „Католик Ньюс“:

ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ БДЕНИЕ

Святая Икона нашей Казанской Божией Матери, которая была выставлена в Часовне Форт Росс Русского Павильона на Нью-Йорской Всемирной Выставке, была в прошлую субботу помещена для хранения в Ватиканском Павильоне в Часовне Доброго Пастыря для всенощного бдения, устроенного Обществом Возмещения Непорочного Сердца Марии.

Всенощное бдение было посвящено Ватиканскому Собору, Церкви Молчания, обращению России¹, всеобщему миру и сохранению нашей страны от коммунизма.

На фотографии: иезуит о. Райан из Балтимора директор Общества Возмещения, вносящий икону в Ватиканский павильон. Направо Джон Хеннесси, директор Русского Православного Павильона. Налево о. Иосиф Лахей, помощник директора Ватиканского павильона. —

На фотографии мы видим иезуита Райана, патера Лахейя, Джона Хеннесси и, за ним, его секретаршу. Но где же архиепископ Шаховской и его православные сообщники? Постеснялись снятся в такой благочестивой компании. Мы находим это странным потому, что в апреле месяце в Сан-Франциско сам Шаховской понес икону в римский костел и передал ее латинскому ксензу. При этом он дал себя снять и его фотография вместе с ксензом, который из его рук принимал икону, была напечатана в сан-францисских газетах.

Кстати, было бы интересно узнать, каков был финансовый успех выставки иконы*? Сотрудник Н. Р. Слова г. Раковский задал представителю арх. Шаховского этот вопрос. Мистер Хеннесси ответил уклончиво, сказав, что он уверен в том, что „деньги будут собраны” и что их дадут не только православные, но и „другие”. Мы не сомневаемся в том, что Рим

даст не только 500 тысяч, но и миллион и больше, если это будет выгодно для его комбинаций.

Не лишним будет отметить следующий факт. В Новом Русском Слове, в отделе „хроники”, от 14 октября с. г. помещено следующее сообщение:

КАЗАНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Чудотворная казанская икона Божией Матери, в настоящее время пребывающая в православной часовне на Всемирной Выставке, в ночь на 16 октября будет перенесена в часовню Доброго Самаритянина в Ватиканском Павильоне. В эту ночь в Ватиканском Павильоне будет бдение, посвященное катакомбной церкви в России, сохранению мира и спасению С. Штатов от коммунизма.

Бдение в Ватиканском Павильоне начнется в 10 часов вечера и закончится за утренней мессой в 7.30. —

Что будут молиться над иконой о Ватиканском соборе и о совращении России в римокатоличество, в этом сообщении благообразно пропущено.

.....

Р О Д И Н А

Ведь на свете белом
Всяких стран довольно,
Где и солнце ярко,
Где и жить привольно.
Но и там, при блеске
Голубого моря,
Наше сердце ноет
От тоски и горя.
Что не видят взоры
Ни берез плакучих,
Ни избушек этих
Сереньких, как тучи.
Что же в них так сердцу
Дорого и мило?
И какая манит
Тайная к ним сила?

А. Плещеев

.....

П О И С К И

Алексей Иванович Чуб
ищет своего сына — Ивана Алексеевича.

(Alex Czub, 1824 W. Erie Street Chicago 22, Ill.—USA)

¹) В английском тексте сказано “for the conversion of Russia”. Слово “conversion” обозначает „обращение в другую веру”, в данном случае, в римокатолическую.

*) По имеющимся у нас сведениям, расходы по выставке иконы на Всемирной Выставке составляют 57 тысяч долларов. Не пора ли, чтобы архиепископ Шаховской наконец сообщил во всеуслышание, где и в каких приходах сколько собрано и каковы были до сих пор расходы по этому делу?

ДОСТОЕВСКИЙ И КАТОЛИЧЕСТВО

(„Дневник Писателя” за 1876 г.)

А папа? Ведь он сегодня-завтра умрёт и — что тогда будет? Неужели римское католичество согласится умереть с ним вместе для компании? О, никогда оно так не жаждало жить, как теперь! Впрочем, наши пророки разве могут не смеяться над папой? Вопрос о папе у нас даже и не ставится вовсе и обращен ни во что. А между тем это „обосблиение” слишком огромное и слишком полное самых необъятных и неместимых желаний, чтоб согласиться отказаться от них ради мира всего мира. Да и для чего, в угоду чему отказаться? Ради человечества, что ли? Оно давно уже считает себя выше всего человечества. До сих пор оно блудствовало лишь с сильными земли и надеялось на них до последнего срока. Но срок этот пришёл теперь, кажется окончательно, и римское католичество несомненно бросит властителей земных, которые, впрочем, сами ему изменили и давно уже в Европе затеяли на него всеобщую травлю, а теперь, в наши дни, уже окончательно организовавшуюся. Что ж, римское католичество и не такие повороты проделывало: раз, когда надо было, оно, не задумавшись продало Христа за земное владение. Провозгласив, как догмат, „что христианство на земле удержаться не может без земного владения папы”, оно тем самым провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволову искушение, на царства земные: „Всё сие отдам тебе, поклонися мне!” . . . О, я слышал горячие возражения на эту мысль; мне возражали, что вера и образ Христов и по ныне продолжают ещё жить в сердцах множества католиков во всей прежней истине и во всей чистоте. Это несомненно так, но главный источник замутился и отравлен безвозвратно. К тому же Рим слишком ещё недавно провозгласил свое согласие на третье дьяволову искушение в виде твёрдого догмата, а потому всех прямых последствий этого огромного решения нам ещё заметить нельзя было. Замечательно, что провозглашение этого догмата, это открытие „всего секрета”, произошло именно в то самое мгновение, когда объединённая Италия стучалась уже у ворота Рима. У нас многие тогда над этим смеялись: „сердце, да не силен” . . . Только навряд ли не силен. Нет, такие люди, способные на такие решения и повороты, не могут умереть без боя. Возразят, что это и всегда так было в католичестве, по крайней мере, подразумевалось, и что, стало быть, вовсе не было никакого переворота. Да, но всегда был секрет: папа много

веков делал вид, что доволен крошечным владением своим, Палскою областью, но всё это лишь единственно для аллегории: главное же в том, что в этой аллессории неизменно таилось зерно главной мысли, с несомненною и всегдашней надеждою папства, что зерно это разовьётся в будущем в пышное дерево и осенит им всю землю. И вот, в самое последнее мгновение, когда отнимали от него последнюю десятину его земного владения, владыка католичества, видя смерть свою, вдруг восстает и изрекает всю правду о себе всему миру: „Это вы думали, что я только титулом государя папской области удовольствуюсь? Знайте же, что я всегда считал себя владыкой всего мира и всех царей земных, и не духовным только, а земным, настоящим их господином, властителем и императором. Это я — царь над царями и господин над господствующими, и мне одному принадлежат на земле судьбы, времена и сроки; и вот я всемирно объявляю это теперь в догмате моей непогрешимости”. Нет, тут сила; это величаво, а не смешно; это воскрешение древней римской идеи всемирного владычества и единения, которая никогда и не умирала в римском католичестве; это Рим Юлиана-Отступника, но не побежденного, а как бы победившего Христа в новой и последней битве. Таким образом продажа истинного Христа за царства земные совершилась.

И в римском католичестве она совершится и закончится и на деле. Повторяю, у этой страшной армии слишком вострые глаза, чтобы не разглядеть, наконец, где теперь настоящая сила, на которую бы ей опереться. Потеряв союзников-царей, католичество несомненно бросится к демосу. У него десятки тысяч соблазнительей, премудрых, ловких, сердцеведов и психологов, диалектиков и исповедников, а народ всегда и везде был прямодушен и добр. К тому же во Франции, а теперь так даже во многих местах Европы, народ хоть и ненавидит веру, презирает её, но все же Евангелия не знает совсем, по крайней мере во Франции. Все эти сердцеведы и психологи бросятся в народ и понесут ему Христа нового, уже на всё согласившегося, Христа, объявленного на последнем римском нечестивом соборе. „Да, друзья и братья наши, скажут они, всё, об чём вы хлопочете, — всё это есть у нас для вас в этой книге давно уже, и ваши предводители всё это украли у нас. Если же до сих пор мы говорили вам немного не так, то это потому лишь, что до сих пор вы были ещё как

малые дети и вам рано было узнать истину, но теперь пришло время и вашей правды. Знайте же, что у папы есть ключи святого Петра, и что вера в Бога есть лишь вера в папу, который на земле самим Богом поставлен вам вместо Бога. Он непогрешим, и дана ему

власть божеская, и он владыка времён и сроков; он решил теперь, что настал и ваш срок. Прежде главная сила веры состояла в смиренности, но теперь пришёл срок смиреннию, и папа имеет власть отменить его, ибо ему дана всякая власть... (стр. 122-123-124)

МОЖНО ЛИ МОЛИТЬСЯ БРИЛЛИАНТАМ?

В журнале Карпатской Руси „Свободное Слово“ (№ 1-6, 1964 год), помещена весьма взвешенная статья — „Повторение Брестской Унии в Америке“, — о покупке Митрополией „Казанской“ иконы Божией Матери.

В статье в документальной форме, с указанием источников, доказано, что рекламируемая Архиепископом Иоаном (Шаховским) икона есть ни оригинал, ни одна из копий древнего Казанского письма. Тем не менее Иоанн Сан Францисский согласился приобрести её за фантастическую цену в ... пятьсот тысяч долларов. Стоимость определена не за самый лик Богородицы, а за драгоценные камни, за бриллианты, якобы находящиеся вокруг образа. Что же это? Открытая насмешка над верующими православными людьми, или безбожное кощунство над Той, именем Которой, по Ватиканскому способу, начали спекулировать наши иерархи?

Разве святость лика Богородицы увеличивается от того, что вокруг Ея образа навешаны драгоценные камни? Разве люди молятся не лику, изображённому на иконе, а бриллиантам? Мы высмеиваем американцев, что они молятся доллару, а не Богу, а мы не то же самое делаем?

Пресвятая Владычица наша Богородица не требует от нас украшения Ея образа бриллиантами, а требует исполнения заповедей Ея Сына, Господа Христа, требует от нас добрых дел. Будь Ея лик изображён две тысячи лет тому назад, или вчера, Она остается единой и неизменной. И любая усердная молитва произносимая над любой иконой Богородицы, увешанной драгоценностями или простой, имеет одинаковое действие.

Я уже не повторяю того общеизвестного, проверенного факта, что хозяева этой иконы хотели с радостью сбыть её в 1950 году всего лишь за семьдесят тысяч долларов, да и то не смогли. (См. письмо прот. Граббе в газ. „Россия“ от 12 июля 1960 г.) Но почему же вдруг архиепископ Иоанн Сан Францисский предложил за икону неслыханную доселе сумму в пятьсот тысяч долларов? Ведь это осуж-

дает каждый православный младенец в С.Ш.А.

Но главное: зачем для нашей Церкви трата такой суммы денег?

Есть ряд новых православных храмов в Американской Митрополии, которые за неимением хотя бы примитивных помещений, ютятся в подвалах чужих церквей или в комнатах мирян, которые не имеют ни церковной утвари, ни оборудования, но на поддержку им арх. Иоанн не дал ни одного цента, а за бриллианты вдруг... полмиллиона долларов! Историческая редкость? Но разве наша Православная Церковь в Америке является не Церковью, а историческим музеем?

За требуемую за икону сумму, можно соорудить ДЕСЯТЬ православных храмов средней величины, благообразно украшенных, с множеством икон! Пятьдесят тысяч на храм — прекрасная поддержка, ибо есть в наши дни храмы, которые строятся, имея в кассе всего лишь несколько сот долларов. В Митрополии нет пару тысяч долларов на издание обыкновенных служебников, и священнослужители пользуются старыми, истрепанными служебниками, изданными в прошлом столетии, а для тёмных дел „казанских“ хотят выкинуть 500.000!

Только неверующий может благоговейно взирать на бриллианты у икон. Я читал не раз у русских писателей и слышал достоверные рассказы о том, как в старое время, разбойники и убийцы в Сибири и на Урале, после очередного кровавого злодеяния, покупали за награбленные деньги бриллиант, вешали на какую-либо икону и этим считали себя оправданными. И когда я теперь смотрю на бриллианты, положенные в рамке иконы, то мне кажется, что с них капает кровь загубленных Уральскими и Сибирскими разбойниками жертв. И не подымается рука перекреститься на икону, которая в бриллиантах и золоте, ибо вряд ли оно навешено честным крестьянством или другими тружениками, а добыто нечестным путём. А основа Русского православия всегда было многомиллионное крестьянство нашей Родины, а не марксистская интеллигенция, их князья и прочие нигилисты.

Эпопея арх. Иоанна (Шаховского) с так наз. „Казанской“ иконой Богоматери — позорнейший акт во всей истории Русской Православной Церкви в Соединённых Штатах Америки.

Нужно немедленно прекратить эту кошутственную авантюру, вернуть бриллиантовую икону английским бизнесменам-хозяевам, ибо рядовых православных людей трудно одурачить... Собранный же доселе сумму для иконы, передать остро нуждающимся, строящимся

храмам Божиим, которых немало и в Американской Митрополии...

Автор этого письма пишет: Прилагаю при сем небольшую статью — Можно ли молиться бриллиантам — которую, если найдёте нужным, поместите в „Свободном Слове“ без моей подписи. Вам понятно почему?! Я в клире Амер. Митрополии, но..

Священник

МОЛИТВА

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всех, которых пришел искупить
Ты Своею Пречистою Кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

К. Р.

ПОМОГИТЕ А. Е. КОТОМКИНУ

К нам, русским православным людям, обращается за помощью А. Е. Котомкин — поэт, и гусляр, который на протяжении своих 75 лет жизни служит вечной Правде и пробуждает своей лирой лучшие чувства и стремления к любви, к милосердию и к Богу. Как, мало в наше время таких людей и как мир сейчас особенно нуждается в них.

Александр Ефимович своим сильным словом зовет нас на путь правды и благодаря своей глубокой вере вселяет в нас надежду, что у Господа Бога все возможно и поверженные в прах снова могут восстать, но для этого требуется покаяние и любовь к Богу и ближнему.

Давайте дорогие соотечественники, проявим прежде всего нашу любовь и почтение к маститому русскому поэту и выделим из наших средств соответствующую сумму, чтобы снова поставить на ноги Александра Ефимовича, и дать ему возможность продолжать творить и издавать свои книги. Своими пожертвованиями мы морально укрепим поэта, вошьем в его сердце бодрость и веру в то, что посеянное им не пропадет даром.

Пусть каждый из нас подумает, что мы здесь на земле только пришельцы и гости, а наше вечное жительство в обителях Творца, где богатство и материальные блага не имеют никакой силы, а для спасения нашего требуются только плоды духа: любовь к Богу и ближнему. Этого не будем никогда забывать и тогда наше сердце широко раскроется для добрых дел и мы поможем Александру Ефимовичу и в своих молитвах испросим ему много, много лет жизни для продолжения его высоко полезной деятельности на благо православным христианам, которая имеет особенное значение в наш век безбожия и леденящего отступления от всех добрых начал.

ГРИГОРИЙ П. ЧЕБОТАРЕВ

RUSSIA MY NATIVE LAND

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Семейная жизнь перед Первой мировой войной;
2. Первые 30 месяцев войны;
3. Против австро-немцев после февраля 1917 года;
4. „10 дней, поразивших мир“, как я их видел;
5. С атаманом Калединым против красных на Дону;
6. Петроград под большевистской властью в 1918 году;
7. Дон при атамане ген. Краснове;
8. В Донской Армии в 1919-20 гг.;
9. Жизнь в эмиграции и зарубежом;
10. Посещение СССР в 1959 г. в качестве участника обменной делегации США.

Книга на английском языке и обильно снабжена иллюстрациями.

Цена в переплете \$ 6.95. Заказы направлять

“FREE WORD”

Box 992, Newark 1. N. J.

(Аргентина) А. С. Кулиш

СКАЗ ЗАХАРИХИ "ПРО ГАБАЙ-КНЯЗЯ ОЛАНЬСКОГО"

Як еще в степах не було Комырей, та вжеж були оланци недолго, отоже греци приехали, городы погородили, по берегу моря нашего Руського, и в тех городах за стены сели, зовуть на торжець Русов и всех, отоже и оланци, и куманю. Тай той торжець грецькій есть, а колиж за корову давали чувал соли, так скоро стали давать поен половину. Колиж давали два аршины оксамиту, так тудь дают один аршин. И чем вышья стены города кладут, тем оменьшу цену за узбож дают, а на шкуры, якове брали доте, днеся и глядети не хочуть греци. Поведал то царь Габай-Оланьскій, а царю Куманьскому Кумеху, а звал его згожоватися з ним, абы грецям протистати, а цену держать. И прискакад до них царь Кушобскій, с Костобцами своими, до степу. Отак поведал царь тот князьям-царям: — Грецев я знаю сдавна, а вони таки, колиж им не противиться, так скоро задарма стануть озбожу брати. А колиж не зговоряемся отькрат, заберут греци нас до капещи, а шей будуть повиц требити. И сказал так Габай-Царь овсем им: — Треба овсех князей-царей звати, треба овсех опереждать разом, абыж греци нас не охитровали! А сказал, послал гоньчей на все концы, абыж цари-князи собиралися. И у себе рьекл, абы десять коров били, двадцать овец резали молодых, щавелю, корення збирали, катран, и мешков пять зерна варили. Первыми три браты Суны приехали, а поведали, як в степах кости видели, а главы старья, щелепы ощерены, и высохли те кости здавна доцелу. А то может еще Вида была Руськая, яка з ворогами на смерть билась. И приехали с ними, Князьями Сунами, люди ихние, и те разные были, были, что руса не понимали, а были други, якови с русами говорили и разумели. Так те Три Браты Суны были Сонцевы, а с ними люди, и Кушобци, и Язьги приехали под сам-конец. Розклали люди костры великие, и у костров князи-цари пировали, а простой народ — подале, налево.

И была там Забродня Куманьская, та хочь она еще русам розумела, так вжеж покуманилась доконца, и было их тридцать племен, и кажно племено пять-шесть родов, и в роде сотня-друга людей. Так князи-цари пили, ели, роги меду до неба въздымали, а так оказал Габай-Царь: — Осколика нас есть оттам-судь, а все мы знаем, ащо делаеть грець, а як хочеть нас задарма взяти, и что делають его города, знаемо. И треба знищити города те! Тогда не будеть обману на земле нашей! И где пощезли многіе роды наши? В Грецькой земле отрокують! И где семьи их родныя ныни? Поубити злыми людема семьи те! И також з нами будеть, коли не знищимо греця!

Отвечаеть ему другій князь:

Греця недовго побити, брат мой, абы сами мы держалися друг друга. И тож-не подержуемоя, як треба. И сказал старый князь степовой Бачунок, Оланьских людей воевода а Владич, и сказал то въздыхаючи тяжко отак: — Пробували люди степовые вжеж битись, та грець еще сильнейше одолял их. Еще за царя Маха, коли Русы все вместе были, а одно слово имели, и розумелися, и коли царица Сиромахова Дуря царя била, так вжеж греци на торжеци приеждяли, а навколо оглядувалися, абы сести на берегы Моря Руського, та коло степу. Так билися Русы, рушили городы ихние, а Грецька земля еще сыльнейши поставила. Треба Грецьку землю знищити! — Побіємо землю ихнюю за морем!: отвечав Габай-царь, — и к тому готовитись будемо, як Бог даст. И тож степовые люди пошли, никто не одрекса, пошли до Дунаю, там собиралися, а други себе чайки робили и пошли в море и за море, гуляли там они и не день, и не два, та три месяцы полные гуляли, и додому вернулись, добра навезли, и кто не вертался, по тем славу пели. И тож видно было, городы грецькие еще добре жили, и та война их не сгубила. Так князи-цари еще собиралися,

а ещё раз решали идти глубоко
и наскрозь прокляту землю вражу розо-
рять,

огнем жечи, грабувати дерзко.
И так сделали князи-цари и еще не раз
ходили там, аж свет-за очи,
и всеж не могли розорыть землю ту.
Так еще князи-цари собиралися,
и Габай-царь им читал списы про войну,
а як ходили они до Трапизуну,
и до Царьгороду грецького.
А читал списы, колика богацтва взяли,
а колика сребра, злата, драга каминня.
и колико бархоту, сукна привезли,
та колиж стратили юго, також записано
было,
и яки воеводи побиты были, и колики
вояци,
и от которого роду были люди те,
и так рькал им Габай-царь:

— Не в Царьгороду, и не в Трапезуну их
коринь,

тех городов грецьких поморьских,
а подаль за Царьгородом, аж на полудень,
у Милетю та в Йону, и то зньщити
должно,

и коли понехати, так воны с того,
як бурьян в степу, од кориння вырастуть.
И все цари-князи оговорялися тый крат:

— Як мы пили од братыни увсе вмести,
та братами стали, а подержемося,
а Греця еще тряхоново за морем!
И знов войско собиралося,
нови лоди робыли, аж три тысячи,
а йшли за море, и тамо городы грецьки
руйнували.

Колиж вернулись додому, та добрату не
взнали,

бо волохи Лужаню пограбували,
й забрали тысячи люди, до отроцтва
погнали!

Так гналися за волохами, та догнали их,
полон забрали, та за кажного холостого
пятеро волохив холощали, и так пуцали.
И шли за ними аж за Дунай синей,
тай тамо волы, узбож брали великый.
И так зрялы, як Ольва та Хоросунь за-
слабили,

и вжеж на Руси за отроками не ходыли,
а людей не хваталы, поля не палили,
Руських сед не нычили, як раньше.
Тож зрялы Русы, яко сылу великую имуть
а Греци ж сидели перелякани, в городах,
та миру просили, та обищали злата,
и сребра, абы Русы тихо сидели.

Записал Ю. П. Миролюбов

„Военные преступления габсбургской монархии”

Благодаря жертвенности П. С. Гардого, рус-
ского галичанина-лемка, появилась в свет эта
книга. В ней собраны бесчисленные документы,
свидетельские показания, страшные снимки, даю-
щие полную картину той кошмарной жизни,
которой были подвергнуты русские земли Ав-
стро-Венгрии.

Западно-русские люди в Америке достойным
образом отмечают страшный юбилей истребле-
ния Руси и Православия. Вся карпаторусская
пресса печатает статьи, устраивают собрания,
издают книги и сооружают два пам'ятника та-
лергофским мученикам: один в Лемко-Парке, а
другой в Пушкинском Парке на фарме РООВА.

Этой книге предпосланы следующие слова
издателя:

— В 50-тую годовщину австро-венгерского
террора, изуверств и насилий над мирным на-
селением Галичины, Буковины и Карпатской
Руси в 1914-1917 гг. издается эта книга-доку-
мент.

Она является переизданием 4-ех выпусков
„Талергофского Альманаха”, изданных в пе-
риод с 1924 по 1934 г. Центральным Талер-
гофским Комитетом во Львове.

Посвящается она памяти отца моей жены
Ивана Семеновича Пилипова, уроженца села
Заболотовца (Галичина), томившегося три го-
да в концлагере „Талергоф”; о. Олимпия По-
лянского, настоятеля прихода в селе Юровцах,
Сяноцкого уезда, томившегося и погибшего в
Талергофе; и всех убитых, замученных и по-
страдавших от австро-венгерского террора во
время первой мировой войны.

Петр. С. Гардьй

От издателя

Собранные в этой книге материалы, доку-
менты и показания свидетелей являются вес-
ким обвинительным актом в отношении быв-
ших государственных руководителей, полити-
ков и военачальников Австро-Венгрии перио-
да первой мировой войны, как и непосредствен-
ных преступников — офицеров, солдат и жан-
дармов. Над виновниками и вдохновителями
этих преступлений никогда не состоялся суд
на подобие Международного Суда в Ньюрн-
берге после второй мировой войны. Вот почему
об этих преступлениях общественность мира
почти ничего не знает...

Пусть эта книга, посвященная памяти десят-
ков тысяч убитых и замученных неповинных
людей, разъяснит многим, что предвестником

Освенцима, Дахау, Треблинки и сотен лагерей смерти в гитлеровской Германии были концентрационные лагеря — Талергоф, Терезин и другие в монархии Габсбургов, под властью Франц-Иосифа.

Петр С. Гардъй

Самое отвратительное, самое жуткое в этой трагедии состоит в том, что все эти неслыханные преступления, издевательства, бесчинства совершались при активной помощи тех русских людей Галичины и Буковины, которые поддавшись папско-австрийской пропаганде, стали называть себя украинцами и сделали верными помощниками истреблявшим Русь и Православие австрийско-мадякским палачам.

Награды за выдачу „москвофилов”

Приводим полный текст официального австрийского „Воззвания к полякам, украинцам и евреям”, изданного в начале мобилизации военным комендантом г. Самбора на польском и украинском языках и расклеенного повсеместно, как в самом городе, так и в других более значительных местностях самборского уезда:

ВОЗЗВАНИЕ

к полякам, украинцам и евреям
(в русском переводе)

Неприятель пользуется серьёзным военным положением, в каком сейчас находится ваш любимый и прекрасный край, с той целью, чтобы известные подозрительные элементы неприятельского государства могли проскользнуть в нашу среду для использования живущих здесь **москвофилов** с целью выдачи неприятелю сведений о движениях наших войск и о нашем положении.

Испытанный патриотизм и непоколебимая преданность нашему Высочайшему Дому, который всегда заботливо и человечно относился к своим верным подданным, не допустят, чтобы патриотически настроенный поляк, украинец и еврей мог терпеть такого рода суб'ектов рядом с собою.

Напротив, является обязанностью обезвреживать подобных лиц, т. е., как только кто-нибудь получит сведения о такого рода личностях, следует донести о них ближайшей гражданской или военной власти. **Доставление лица**, которое будет уличено в шпионстве или пропаганде москвофильства, будет вознаграждаться суммой 50-500 крон.

Ц. и к. комендант города

(Из первого выпуска „Талергофского Сборника”, стр. 126)

КНИГУ ВОЕННЫЕ ПЕСТУПЛЕНИЯ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ 1914 — 1917 гг.

Можно приобрести у издателя

PETER S. HARDY

Hardy Line, TRUMBUL, Conn. — USA

Цена 10 долларов.

**Пожертвования на памятник
ТАЛЕРГОФСКИМ МУЧЕНИКАМ,
строющийся в Пушкинском Парке,**

посылать по адресу:

MICHAEL NOVASH

P. O. Box 44, Jackson, N. J.

Когда, провидя близкую разлуку,
Душа болит уныньем и тоской,
Я говорю тебе, сжимая руку:

Христос с тобой!

Когда в избытке счастья неземного
Забьется сердце радостью порой,
Тогда тебе я повторяю снова:

Христос с тобой!

А если грусть, печаль и огорченье
Твоей владеют робкою душой,
Тогда тебе твержу я в утешенье:

Христос с тобой!

Любя, надеясь, кротко и смиренно
Свершай, о, друг, ты этот путь земной
И веруй, что всегда и неизменно

Христос с тобой!

К. Р.

С чувством глубокого удовлетворения отмечаем, что в некоторых органах русской зарубежной прессы в этом году были высказаны пожелания о том, чтобы на Нобелевскую премию по литературе была выдвинута кандидатура талантливого русского писателя-историка М. Д. Каратеева, автора замечательной трилогии „Русь и Орда”, отрывки из которой не раз печатались в нашем журнале.

Со своей стороны, редакция и читатели „Свободного Слова Карпатской Руси” горячо поддерживают эту кандидатуру, считая что среди современных писателей трудно найти более достойного этой высокой награды.

Редакция

СЕРБСКИЙ ЕПИСКОП ДОСИТЕЙ — КАРПАТОРУССКИЙ МУЧЕНИК

В Австро-Венгрии все православные, живущие в венгерской половине монархии, находились по закону под юрисдикцией сербского православного патриарха в Сремских Карловцах, за исключением румын, у которых была своя автокефальная православная церковь, признаваемая таковой венгерскими законами во второй половине 19-го столетия.

На самом же деле венгерское правительство не допускало, чтобы сербский патриарх, резиденция которого находилась в Карловцах, в пределах Венгрии, делал что либо в Карпатской Руси, которая в то время тоже составляла часть Венгрии. Ему не разрешали послать туда ни епископа ни даже священника, потому, что все православное население Карпатской Руси было официально объявлено и считалось официально униатским и находилось под пятой униатских епископов назначаемых Римом.

После первой мировой войны Карпатская Русь была присоединена парижской мирной конференцией к созданной тогда Чехословацкой Республике на правах „самой широкой автономии“, исключаяющей всякое вмешательство чешского правительства в церковные дела Карпатской Руси. В начале, в течение не больше двух лет, чешское правительство избегало открытого нарушения сен-жерменского договора.

По просьбе карпатороссов, сербский патриарх послал в Карпатскую Русь нишского епископа Доситея, который принялся за восстановление организации православной церкви, уничтоженной Габсбургами.

Но вскоре, под давлением чешской клерикальной партии, начались всякого рода притеснения православной церкви, от которых пострадал и епископ Доситей. Между прочим, в один прекрасный день он был арестован на железнодорожной станции в Хусте, в пяти километрах от Изы, карпаторусского православного центра. Его арестовали два чешских сыщика, делая вид, что они не знают, кто он такой, хотя он предъявил им свой дипломатический югославянский паспорт и письмо чешского посла в Белграде, в котором посол обращался к чехословацким властям с просьбой оказывать епископу Доситею, как делегату сербского патриарха, всякое содействие. Епископа Доситея чешские сыщики повели в полицейское управление, где его продержали четыре часа.

О подробностях гонений, которым подвергалась православная церковь в Карпатской Руси под чешским режимом, читатели Свободного Слова уже отчасти осведомлены. Между прочим, в 1927-м году был лишен гражданства и

выслан из Чехословакии д-р А. Геровский, председатель Центрального Исполнительного Комитета Православных Общин, и юриконсульт церкви, внук А. Добрянского. Геровскому пришлось переселиться в Сербию. Приблизительно в то же время из Польши был изгнан юриконсульт православной церкви К. Н. Николаев. В 1938-м году чешское правительство отказало в визе сербскому епископу Владимиру, назначенному сербским патриархом епископом в Карпатскую Русь, под предлогом, что сербская церковь предварительно, до его назначения, не спросила чешское правительство, со гласно ли оно с этим назначением. Епископ Владимир смог занять свой пост в Мукачеве только после того, как этот город был занят венграми.

В тридцатых годах епископ Доситей был назначен синодом сербской православной церкви загребским митрополитом. Загреб столица Хорватии, в которой православные сербы составляют четвертую часть всего населения. Под австрийским режимом сербы имели в Хорватии своих епископов, но не в самом Загребе. Назначение Доситея в Загреб вызвало у римлян большое неудовольствие. Кроме того имя епископа Доситея уже было у них на черной доске за то, что он „своей пропагандой перевел карпатороссов в православие“, как это можно прочесть в дополнительных томах к официальной Католической Энциклопедии, изданных кардиналом Спеллманом в Нью Йорке. Когда, несколько лет перед второй мировой войной, епископ Доситей сказал мне, что его назначили митрополитом в Загреб, я умолял его, чтобы он этого назначения не принял, так как он там никогда не был и не знаком с религиозным фанатизмом загребских хорватов. Между прочим я указал ему на Степинаца, уже прославившегося своей религиозной нетерпимостью, и я предупредил его, что у него там будет много неприятностей. Степинац, воспитывавшийся семь лет в иезуитской семинарии в Риме, сказал я владыке, „будет чувствовать себя обиженным что в его столице засядет православный митрополит“,*) и что он постарается о том, чтобы владыка Доситей это почувствовал. Я советовал ему, чтобы он убедил членов синода послать в Загреб епископа из тех, кто до первой мировой войны родился и воспитывался в Австро-Венгрии и уже знаком с типами вроде Сте-

*) Во всей Сербии римокатолики составляли только 1 процент населения, но не взирая на это в Белграде, столице Сербии, был римский епископ.

пинца. Но владыка сказал мне, что его долг послушаться воли патриарха, и он поехал в Загреб.

Когда, через несколько месяцев, я с ним опять встретился в Белграде, он сказал мне, что я был прав. На улицах его часто оскорбляли, в особенности женщины. Они называли его „ярац” (козёл), блеяли как козы и даже плевали на него. Иногда ночью у него били окна. Камни падали даже в его спальню. Я спросил владыку, обращался ли он в полицию. Он ответил, что ему, епископу, не подобает призывать полицию. А когда я ему сказал, что в таком случае его враги подумают, что он их боится и что они еще больше обнаглеют, владыка ответил: „Нет, они знают, что я их не боюсь. Когда они меня ругают или плюют на меня, я просто поднимаю руки и благословляю их крестным знаменем”.

После того как Гитлер захватив Венгрию, вторгся в Югославию и водворил в Загребе в качестве диктатора Павелича, убийцу короля Александра, я знал, что жизни владыки Доситея грозит опасность. Я тогда уже находился в Нью Йорке. Доситей явился мне два раза во сне. Он был чрезвычайно бледен, ничего не говорил и только молча смотрел на меня своими черными глазами. Я поехал в Вашингтон к югославянскому послу Фотичу и переговоривши с ним, написал письмо д-ру Тибору Патаки в Будапешт, который ведал меньшинственными делами в президиуме правительства. Патаки был протестант-кальвинист, не питавший особых симпатий к „папистам”. В моем письме я просил его, чтобы он поинтересовался судьбой митрополита Доситея и сообщил мне, не произошло ли с ним что-либо. Ответа я не получил. Впоследствии я ездил несколько раз к Фотичу, но он ничего не мог узнать о Доситее.

Наконец, когда я опять приехал к нему, из его кабинета как раз выходил какой-то незнакомый мне человек. Стоявший в двери Фотич, увидев меня, закричал: Вот Геровский! Вы пришли очень кстати!! Вот господин, который только что приехал из Белграда! Он вам все расскажет про Доситея!

Мы сели с незнакомцем в приемной. Как все приехавшие „оттуда” он, не зная кто я, вначале был не особенно словоохотлив. Пришлось мне рассказать ему сперва про меня и объяснить, почему я интересуюсь епископом Доситеем. Когда он наконец разговорился, я узнал от него, что он врач, австрийский еврей, живший долгое время в Хорватии и затем переселившийся в Вену. Поэтому он говорил хорошо по сербохорватски. И это его спасло, когда Гитлер захватил Вену. Он бежал в Белград и там его

устроили врачом при тюрьме, откуда он никогда не выходил, когда нацисты владели Белградом. В конце концов ему удалось бежать в Грецию и через Турцию в Каир, откуда он только что приехал в Вашингтон.

Вот что он мне рассказал про владыку Доситея. Одного дня два нацистских СС в форме привели к нему в тюрьму человека в изодранных лохмотях, который тяжело дышал и не был в состоянии говорить. Все его тело было в синяках и кровоподтеках. — „Меня удивило, почему они привели его в тюрьму. СС-исты сказали мне, что они нашли его в Загребе в полицейской тюрьме и, узнав, что это сербский епископ, решили его повезти в Белград.” А вы сделайте с ним, что хотите”.

Пока продолжалась война, я ничего больше не мог узнать про владыку Доситея. Когда кончилась война, стало известно, что он умер. Я написал митрополиту Иосифу, заместителю сербского патриарха.

Отвечая на мое письмо, митрополит Иосиф сообщил мне, что он видел Доситея в санатории доктора Живковича. Он лишился ума и никого не узнавал. Он даже не узнал его, митрополита Иосифа, с которым он был знаком с раннего детства и с которым он вместе окончил народное училище, гимназию и киевскую духовную академию. Пришел Доситей в себя только через несколько недель и рассказал митрополиту Иосифу, что с ним случилось. Когда его волокли по улицам Загреба, больше всех его истязали женщины. „А вы ведь знаете, что покойный Доситей больше всего старался помогать женщинам. Доситей уже никогда не был в состоянии подняться с кровати. И после мучений, продолжавшихся много месяцев, он умер.” Вот что мне написал митрополит Иосиф.

Я знаю, почему покойный митрополит Доситей особенно старался помогать женщинам. У него была старушка мать, которую он очень любил. Я ее знал. Когда Доситей был мальчиком, они были очень бедны и его мать работала день и ночь прачкой, чтобы дать своему сыну возможность получить образование.

Покойный митрополит Доситей умер мученической смертью за свою работу в Карпатской Руси. Так как большинство приходов Северо-Американской Митрополии состоит из выходцев из Карпатской Руси, следовало бы назначить день, в который ежегодно совершался бы молебен в память блаженного митрополита Доситея с соответствующей проповедью, дабы весь русский православный народ в Америке знал и помнил, как и за что пострадал Доситей, первый православный карпаторусский епископ после первой мировой войны.

А. Геровский

